

**Кот наплакал: мотивационная семантика
в свете народных легенд¹**

Когда хотят сказать о чрезвычайно малом количестве чего-то, иногда употребляют выражение *кот наплакал*. Именно в таком значении, часто с пометой «просторечное» или «шутливое», данное выражение фиксируется словарями и справочниками [ФСРЯ, 210; СРФ, 309; СПП, 47]. Фразеологизмы *кот наплакал* (рус.), *tyle co kot naplakal* (польск.) 'очень мало', *дать чего с кошачьи слезы* (вят.), *кот наплакал / наплевал, кот больше наплачет* (пск.) 'мало, ничтожное количество' [ФСРЯ, 210; Даль² 2, 182; SFJP 1, 351; СПП, 47] по своей семантике объединяются с другими выражениями, обозначающими малое количество через введение признака невозможности или отсутствия чего-то у определенного объекта (ср. рус. *курчье вымя, свиные рожки* 'ничего' – Даль ПРН², 547).

Смысл выражения *кот наплакал* в популярной литературе объясняется и тем, что кошки по природе своей не плачут, следовательно, отсутствие этой способности вполне может служить для передачи идеи мизерности, малости, недостаточности.

Однако встречаются и другие «этимологические» объяснения. Так, в издании «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998) указывается, что «выражение возникло, видимо, на базе фольклорных песен» [СРФ, 309], и приводится фрагмент шуточной песни «Идет кисанька из кухни, у ней глазоньки напухли...», в которой кошка плачет притворными слезами, будучи уличенной в краже пенок с молока. Притворностью кошковых слез объясняется в этом случае ироничная окраска, присущая в речи выражению *кот наплакал*.

В этой статье мы хотели бы, опираясь на аутентичный фольклорный материал, предложить еще одну версию для объяснения семантики фразеологизма *кот наплакал*, связав ее с явлением народной этимологии и фольклорными нарративами о так называемых кошачьем и собачьем хлебе, о кошачьей и собачьей доле.

Речь пойдет об общеславянском этиологическом сюжете об уменьшении хлебного колоса в наказание за прегрешения людей

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 02-04-00067 «Славянские древности: этнолингвистический словарь»).

(трансформированный миф о «золотом веке» и его утрате). Легенды о хлебном колосе распространены также у балтов (литовцы), киргизов, китайцев. Проблема генезиса легенды, которая может составить предмет отдельного исследования, сейчас нами рассматриваться не будет; мы сосредоточим внимание на некоторых стандартных составляющих сюжета, связанных с участием и ролью домашних животных в спасении хлеба для людей.

Стандартный сюжет легенды о собачьем и кошачьем хлебе содержит следующие основные мотивы.

1) Действие «приурочено» к началу времен (когда люди были еще безгрешными), к грехопадению первых людей, к Потопу, ко времени хождения Христа по земле:

«Колысь булы нэгрэшыны людзы. Колос быў од зэмлі. А як прогрэшылі, Господь взяў од людэй хлеб. Почалы коты мяўчаці, собаки брэхаці. Бог учуў і даў трышку – собаку і кошачу долю. І стаў рості колос одын» (с. Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл., 1985, зап. Л. Н. Кононович);

«Семь лет строили ковчег, забыли хлеб, пес выскочил и схватил в пасть колосья, поэтому мы живем на собачьей доле» (Свенцянский повет²; в другой легенде говорится, что колосьев осталось столько, сколько влезло в пасть собаке³);

«Колысь колосок був от самой зэмлы до самого вырха, и ходыв Иисус Хрыстос по светы, и зыйшоў до адной хаты, и жынка пэчэ бляны, и Иисус Хрыстос просыў: “Дай мэнэс блин ради Бога”» (с. Пески Речицкие Ратновского р-на Волынской обл., 1985, зап. Т. В. Шевченко).

2) В роли осквернителей «божьего дара» – хлеба – в легендах выступают первые люди, совершающие грехопадение; злые и грешные люди; люди, без уважения относящиеся к хлебу; женщина (в том числе «чужая», например, еврейка в карпатской легенде, цыганка в чешской) – мать, подтершая своего ребенка куском хлеба, блином и т. п., или ленивая жница:

«Колос був од зэмлі. Бог як шморнуў за тэ, што Адам і Ева согрэшылі. Коты і собаки сталі плакаць за хлебом, і он оставив тэ, што в корху [в кулаке держал]» (с. Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл., 1984, зап. М. М. Гончаренко);

«То ў Библии так, што колэ пэршы нашы прародичы, называеця побібліськэму Адам і Ева, погрэшылі, Госпада Бога поелі ябку, знаеш, ў саду, то йіх Бог покараў. Ангэл Гаўрыіл агнёнім мэчэм йіх вигнаў з

² Zowczak M. Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej. Wrocław, 2000. S. 97.

³ Ibid. S. 103–104.

раю и покарал йих так, шчо з злости потэгнўл Господь Бог тэй [колос]. зато тэпэрь люди мálэнько мают, ужэ калоска того нэт. [Осталось на колосе для] твáри» (с. Любенцы Стрыйского р-на Львовской обл., 1989, зап. М. С. Косолапова);

«Родило жито, як боб. Стэблó з коленцами, колыс то були [колоски]. Согрешила якáсь жонка, и Бог не даў жита. Стали все плакать. Коты и собаки стали плакать: “Мы не виноватые!” Бог змиловался и даў на стэблыне по одному колосочку» (с. Червона Волока Лугинского р-на Житомирской обл., 1984, зап. М. Р. Павлова);

«Жидиўка хлибом, тильки гэўнó дитя наклáло, она хлибом забэра́ла, замэсила на пэчи, тай Матэнька Божа ўхóпэла Исуса Христа, то бу колос рис вид зэми до кинцё, а Матэнька Божа ўхóпэла и кáжэ: “Бо хочь би нэ ўси [колос возьми], лиши хочь для пса и для кота”, а ми за пса и за кота ми жие. Тилько шо могла рукой ўзлапáти. Тилько тэпер колос таки пшэници, як могла, тилько ўзлапáти» (с. Любенцы Стрыйского р-на Львовской обл., 1989, зап. М. Б. Рукодельникова, А. Е. Фролова);

«Пришла хазяйка на поле, катора не хатела жать. [Ей было неловко жать колосья, сплошь покрытые зерном. Она попросила Бога “скинуть зерна на коленце”.] Ён на калёнцэ – рас, дай Бох, ишчэ на калёнце, шоб ей лехше жать была. [Бог же тогда сразу сильно уменьшил колос.] Тада завыли сабаки и загаўкали кошки» (с. Грядя Почепского р-на Брянской обл., 1982, зап. М. И. Серебряная).

3) Поступки осквернителей: люди не почитают хлеб, дети бросают хлеб, женщины используют хлеб (колосья, зерно) для подтирания младенцев:

«То казалы, як ходыў Христос по земли, хлиб не чествовалы [так как его было много], и Петро рукоў [забрал часть колоса, оставив] верхи на кота и на пса» (с. Богдан Раховского р-на Закарпатской обл., 1989, зап. А. В. Андреевская);

«Кóбись быў колосок весь с зернятами. А люди разбрасывали хлеб. Бог казаў, шо он не даст людям хлеба, буде голод, колос буде пустым. Кот и собака заплакалися, и Бог оставиў им немного колоса на самом конце. С тех пор люди едят хлеб от кошек и собак» (с. Симоници Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983, зап. Е. Тарасова);

«На каждом напёрски булó по колоску. Колысь што-то с хлибом начали кидáца, и Бог почнэ тые колоски с конца обрывать и хотеў все оборвать, а коты замяўкали, и он пожалел этих котоў и оставиў одного колоска» (с. Кишин Олевского р-на Житомирской обл., 1984, зап. Т. В. Шевченко);

«Було тры колосочки ранней, зараз вже одын. Жончына колоском задныцу дытяти вытэрла. А Господь зазлыўся. То нэ можна. Да хётнў ўсэ жыта, ўсэго колоса зняты. А кут стаў плакаты и просыты. И кут выплакаў одного колосочка» (с. Парохонск Пинского р-на Брестской обл., 1990, зап. Е. Чумаков).

4) В роли наказующей силы выступают Бог, Христос, Богородица, св. Петр. В результате их действий зерно обрывается с колоса, колос и зерно уменьшаются в размерах.

5) В роли заступников-спасителей хлебного колоса (кукурузного початка, муки) выступают животные (кот и собака) или сакральные персонажи – Богородица, св. Петр, св. Павел.

Из многочисленных вариантов легенды для анализа были выбраны тексты с пограничья восточнославянских и западнославянских территорий (украинское и белорусское Полесье, польское Подлясье), представляющие традицию единого этнокультурного региона и напрямую разрабатывающие связь этиологической легенды с фразеологической единицей *кот наплакал*.

В этих версиях легенды кот или собака (или оба вместе) в буквальном смысле слова «выплакивают» у Бога хлеб, мотивируя свою просьбу непричастностью к людским грехам.

«Речевое поведение» животных в рассматриваемых текстах характеризуется, помимо чисто звуковых действий («Почалы коты *мяўчати*, собаки *брэхати*» (с. Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл., 1985); «Дак каты *закаўкали*, сабаки *загаўкали*» (с. Мощенка Городнянского р-на Черниговской обл., 1980); «Тут стали коты, собаки *мявкать*» (с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл., 1984); «Котик стаў *маўкать* и выпросиў собэ у Бога один колосок» (с. Стодольчи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984); «А коты и собаки стали *вишишать*» (с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл., 1984); «Да стали коты и собаки *верещать*» (с. Рясно Емильчинского р-на Житомирской обл., 1981); «А собака *брэхала* на деда, и кот *крычаў*» (с. Рясно Емильчинского р-на Житомирской обл., 1981); «Коты стали *нявкать*, собаки *гавкать*» (Коростенский р-н Житомирской обл., 1995); «А каты и сабаки начали и *мяўкать*, и *крычать*, и *прасить* Бога, дак ён па адном наверх нацапиў каласочку» (с. Великий Злеев Репкинского р-на Черниговской обл., 1980) и др.), эмоционально окрашенными признаками («А кут стаў *плакаты* и *просыты*. И кут *выплакаў* одного колосочка» (с. Парохонск Пинского р-на Брестской обл., 1990); «Коты и собаки *выпросыли* и себе и людям у Бога хлиба» (с. Жабчицы Пинского р-на Брестской обл., 1990); «Это котина доля: кот *выпросиў* у Бога» (с. Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской

обл., 1983); «Кот и собака *поплакалися*, и Бог оставиў им немного коло-са на самом конце» (с. Симоници Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983); «А котыка и собачкэ зобралыся и *стали плакаты*. А вин же знаў их мову. Воны кажуть: «Господы, ни губы нас, остав до нас, мы ж ни выновати, ты ж ны послаў до людэй»» (с. Пески Речицкие Ратнов-ского р-на Волынской обл., 1985); «Нэ чоловик выпросив у Бога хлеба, а кут *выпросив, плакав* перед Богом» (с. Лесовое Дубровицкого р-на Ровенской обл., 1978); «Хлеб называют котячий потому, что кошечка *выплакала* у Бога хлеба» (с. Сварицевичи Дубровицкого р-на Ровенской обл., 1978) и др.).

Плач животных приводит к тому, что Бог (Богородица) оставляет малую толику от бывшего изобилия – немного зерна «на котячью и на собачью долю»: «А каты и сабаки *стали плакати, и Гасподь йим кинуў на каласочку*» (с. Хоробичи Городнянского р-на Черниговской обл., 1980); «Коты и собаки *стали плакать*: “Мы не виноватые!” Бог *змило-вался и даў на стэблыне по одному колосочку*» (с. Червона Волока Лугинского р-на Житомирской обл., 1984); «А коты *заяўкали, и он пожа-лел этих котоў и оставиў одного колоска*» (с. Кишин Олевского р-на Житомирской обл., 1984); «Бог учуў и *даў тришку – собачу и кошачу* долю. И стаў расти колос одын» (с. Кривляны Жабинковского р-на Брест-ской обл., 1985); «Псы и коты стали плакать, и остался один колосок для них» (Виленский повет, 1991⁴).

В ряде текстов мотив плачущего кота становится опорной точкой для перехода к фразеологизму, который воспринимается как «сверну-тый» сюжет: «Раньше колас начинаўся от самой земли, но пагано люди рабили, Бога не чувствовали. Бог их наказаў, но каты и сабаки *атплакали* долю хлеба нам» (с. Великий Злеев Репкинского р-на Черниговской обл., 1980); «Кот плакал и говорил, что не будет больше хлеба, так как Бог хочет в наказание за людские грехи все уничтожить. С тех пор *и говорят: “Хлеба столько, сколько кот выплакал” (I mówię, tyle jest chleba, co kot naplakał)*» (юго-восточная Польша⁵).

В полесской традиции идея о потреблении людьми «кошачьей» и «собачьей» доли хлеба подтверждается и следующей поговоркой: «[Те-перь говорят:] “Ради котоў, ради собак, а нам не даў бы ни як”» (с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл., 1984).

Сюжет легенды о собачьем и кошачьем хлебе встраивается также в определенный этнографический контекст.

⁴ Zowczak M. Biblia ludowa. S. 95.

⁵ Niebrzegowska S. Przestrach od przestachu. Rośliny w ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000. S. 91.

1) Фольклорный нарратив оказывается связанным с запретом обижать (бить, убивать) кошек:

«Нэкали буў велыки колос. Стали дэци хлеб кидаць до́ли. И не стало йогó. Стаў кот просиць у Бога хлеба. Стаў тогда колос ужэ мэньшы. И кажуць люды: “Нэ битэ кóта, бо ён хлеб у Бога выпросиў”» (с. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл., 1987, зап. И. В. Шавель);

«Хлеб называют котячий потому, что кошечка выплакала у Бога хлеба. Поэтому кошек не положено забивать» (с. Сварицевичи Дубровичского р-на Ровенской обл., 1978, зап. О. В. Иванова).

2) Легендой мотивируется практика ритуального кормления животных хлебом первого урожая (или первым куском от каждого блюда):

«Кольсь на кажном колінды був колосок. Хозяин чем провинова́тиўся, и Биг хотиў, шоб все колоски ссыпалися, а кит и собаки выпросили. Дак им тре хлиба даць. Дають, як перший хлиб печуць, бо, кажуть, выпросиў» (с. Щедрого Ратновского р-на Волынской обл., 1985, зап. Т. В. Шевченко);

«Кольсь колос був од самой зэмлі. И шо-то прогрэшыли крэпко люды, и Господь сусём хотэв шморну́ть и до сё шморну́в [колосья], но стали плакать кот и собака, шо стане погибать з голоду. И Господь, колько осталóсь в руцё, только оставил. Як варыш обед, то трэба злить и даць коту и собаці, бо чэрэз них Господь оставив колосочки. [И краюху первого хлеба тоже надо им давать]» (с. Боровое Рокитновского р-на Ровенской обл., 1984, зап. М. М. Гончаренко).

3) Легенда объясняет смысл рождественских девичьих гаданий с колосьями:

«Кошка и сабака выпросяць у Бога хлиба. А то было: чые возьмець хлиб, то замуж пойде. [На землю клали колосья, если собака или кошка подойдут к какому-нибудь колоску, то та девушка выходит замуж. На Рождество гадали]» (с. Парохонск Пинского р-на Брестской обл., 1990, зап. Д. Демидович).

4) В ряде локальных традиций легендой о «выплаканном» хлебе мотивированы жатвенные присловья и приговоры типа «Зароди, Боже, на всякого долю...»:

«От, пуйде хазяин, засева́е первы раз, перехристи́ща, сие да кажэ: “Зароди, Божэ, на ўсякого долю. И на котячу, и на собачу”» (с. Копачи Чернобыльского р-на Киевской обл., 1985, зап. О. В. Санникова, А. Симошина);

«Зароди, Божэ, на ўсялякаго долю: и на сабачью, и на катиную, и на чоловэчью, и на загоне, и в разорэ [т. е. и в середине борозды, и по краям]» (с. Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983, зап. Л. Г. Александрова).

В заключение приведем одну интересную типологическую параллель к рассматриваемому сюжету. По гуцульской легенде, раньше сос-

ков у коровы было много, как у свиньи. Женщина купалась в молоке, чем рассердила Бога, который провел рукой по вымени, как бы стирая сосцы. Тогда кот ухватился лапами за четыре соска и стал «ва́кать», а св. Петр попросил Бога оставить молока хоть для кота. И Бог оставил корове четыре соска на вымени и приказал давать коту утром и вечером по три ложки молока, «бо ми его пайку їмо»⁶.

Что же касается проблемы взаимообусловленности фразеологизма и сюжета легенды, то, с одной стороны, автономное от сюжета бытование языковой единицы может свидетельствовать об их изначальной не-связанности; с другой стороны, тексты, в которых эта связь подчеркивается («с тех пор и говорят...»), могут свидетельствовать в пользу вторичной мотивации (когда в рамках определенной локальной традиции знание фразеологизма накладывается на фольклорный сюжет). Но даже в том случае, если фразеологизм не «вырос» из сюжета, он очень органично вписался в традицию фольклорных этиологических рассказов.

К. В. Пьянкова
Екатеринбург

Об одном случае «пищевой» мотивации в русской терминологии игр

Между лексемами с «пищевой» семантикой и игровыми терминами существуют довольно стабильные связи: если сказать точнее, «пищевая» лексика весьма активна как донорское поле при образовании игровых терминов⁷. Достаточно вспомнить такие из них, как *варить каши* 'девичья игра в мяч' [СРНГ 13, 151], *сделать кашу* 'повалить рюхи в игре в городки, выбив их за черту' [СРНГ 13, 149], *масло жать* 'игра с выстраиванием пирамид' [СД 2, 284] и т. д. Зачастую существование подобных взаимодействий объясняют, опираясь на связь игры с обрядом, атрибутом которого является пища. Мы же остановимся на тех «пищевых» лексемах и их производных с игровой семантикой, связь между которыми не имеет ярко выраженной «культурной» подоплеку и обусловлена внутриязыковыми факторами. Объектом изучения избрана группа игровых терминов, которая, на наш взгляд, мотивационно связана с лексемами *сало* и *масло* в их основном значении 'жир'.

⁶ *Онищук А.* Матеріяли до гуцульської демонології. Зап. у Зелениці, Надвірнянського повіта, 1907–1908 // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів. 1909. Т. 11. С. 17–18.

⁷ О понятии донорской мотивирующей лексики см.: *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 116.